

«ПЕЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ НАША»

Юрий Любимов посвятил премьеру своего спектакля «Шарашка» 80-летнему юбилею *независимой прессе* Александра Солженицына — 1998. — 16 дек. — с. 7

Григорий Файман

ЮРИЙ ПЕТРОВИЧ, почему вы решили взять для нынешней постановки роман Солженицына?

— Я всегда считал своим долгом особо пристально смотреть за тем, как живет и как занимается своей профессией писательской Александр Исаевич Солженицын. И видел, как ему тяжело смотреть на все, что происходит с Россией, из которой его выдворили насильно... Я уж не говорю о его великом писательском подвиге.

В знак моего большого уважения мне хотелось сделать спектакль по его прозе. И то, что он мне разрешил взять свой роман для постановки, совпало. Я считаю, что это очень хороший текст. И очень полезный для нас. Потому что, если нация теряет память, она перестает быть нацией. А у нас забывчивость чрезвычайная! Мы все зачеркиваем. Перечеркнули в злобешнем 17-м году свою историю, забываем своих сынов великих, плюем на них. Как Александр Сергеевич выразился, «мы любить умеем только мертвых» — живых мы не ценим.

А уж дальше судить надо по спектаклю. Можно хорошую прозу загубить и можно среднюю сделать хорошо на театре. Это совсем другой жанр — искусство театра. Поэтому всегда возникает много проблем, когда занимаешься с прозой. А так как у моего театра есть опыт занятия с прозой, я и решил это сделать. Эта постановка приурочена к юбилею Александра Исаевича. Я и театр мой считали, что обязаны его отметить.

— Если бы можно было поставить Солженицына раньше, когда вы бы его поставили?

— Я бы поставил «Один день Ивана Денисовича» сразу, как он вышел. Но это же тогда совершенно невозможно было!

— А «В круге первом» — это был выбор Александра Исаевича?

— Нет, я в разговоре с ним перечислил несколько названий, и он это разрешил. Я давно хотел поставить «Теленка». Но он не рекомендовал. Сказал — давайте это сперва, а «Теленка» сейчас не надо, я еще живой и пишу. Он как бы дописывает свою книгу жизни. Идет жизнь, и он дописывает свой дневник. Это своеобразная форма писательства — запись своих впечатлений от живых

Юрий Любимов на репетиции «Шарашки». Фото Александра Бутковского

встреч. Поэтому можно его понять и согласиться.

Он разрешил, к счастью, это делать мне самому. Сказал: «Вы делайте инсценировку, потому что вы по-своему всегда делаете, и это очень хорошо».

— Текст он смотрел?

— Нет. Текст Александр Исаевич не смотрел. Он сказал, что «я лучше приду и посмотрю на подмостках».

И я с ним согласен. И мне легче, и ему легче.

То, что у Солженицына в скобках после названия романа — «Шарашка», с его разрешения вынесено в заголовок спектакля. Это соответствует духу времени. И всем событиям последних лет. Это не о политике, это о факте жизни нашей.

Я был очень приятно удивлен, когда мне принесли журнал «Зна-

мя» с опубликованным письмом Шаламова к Александру Исаевичу по поводу романа «В круге первом». Там же упоминалось и о Таганке — оказывается, он у нас часто бывал, а я и не знал, простофиля. И даже о том, что он, Шаламов, хотел написать для нас пьесу. И я этим польщен. Я очень люблю его рассказы, удивляюсь его удивительному мужеству, его прекрасному слогу, отобранным словам. Вот как последнюю клюквенку слят у него перед смертью сбежавшие эзки.

А Александр Исаевич придумал одного замечательного профессора (придумал — хотя действительно в шарашках сидели великие люди), который в анкете писал в графе «национальность» не «русский», а «эзк». Это ведь тоже не политика, а печальная история наша.